

№

16

Актрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна за годъ (20 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкой на домъ въ Москвѣ—2 р. 50 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкой на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца безъ доставки 75 к., съ доставкой на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Актракта при типографіи Н. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Руса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Сазаевыхъ, Соловьева, Черешина и Глазунова, въ магазинахъ Нерадовскаго и Корещенко старшаго, въ аэчтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С. Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Певномъ проспектѣ.

Содержаніе: Московскій театръ (Бенефисъ г. Тимофѣева. № 8 итальянскаго абонементу).—Публичные спектакли въ Артистическомъ Кружкѣ.—Концертъ г. Славянскаго.—Смѣсь. (Заложеніе театра Предложеніе объ итальянской оперѣ въ Москвѣ).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

БЕНЕФИСЪ Г. ТИМОФѢЕВА.

Говоруны, ком. въ 4 д. соч. Манна. Пансіонерка, ком. съ куплетами и 1 дѣйств., пер. съ франц. Тарновскаго и Рудкина. Василискъ, балетъ въ 1 дѣйств., соч. Силь-леона.

Бенефисъ маэстро Малаго театра г. Тимофѣева, бывшій 17 апрѣля, начался комедіею Манна *Говоруны*. Въ концѣ 1865 г. Москва познакомила съ первымъ драматическимъ произведеніемъ этого писателя, съ его *Паутиною*. Плоха была эта комедія, въ ней не было ни драмы, ни живыхъ лицъ, ни осмысленныхъ отношеній между ними, ни основной идеи, вытекающей изъ самой сущности пьесы, а не приклеенной къ ней пзвнѣ, какъ какой-нибудь ярлыкъ, но все-таки въ пьесѣ этой была, хотя и запутанная, составленная на манеръ французскихъ драматурговъ, но хоть сколько-нибудь интересная пьеса; лица этой комедіи хотя и походили на куколъ, но все-таки нѣкоторымъ изъ нихъ (какъ напр. Рогачеву и Вптюгову) были даны общія, отчасти похожія на человѣческія, хотя и каррикатурныя. Но даже и этихъ микроскопическихъ достоинствъ не находилось въ новомъ произведеніи г. Манна. Не считайте въ немъ живыхъ людей, не считайте въ немъ человѣческихъ образовъ; авторъ словно изъ бумаги вырѣзалъ нѣсколько фигурокъ и на каждой изъ нихъ сдѣлалъ надпись, гласящую, что вотъ эта бумажная фигурка имѣетъ изображать индѣя, эта — администратора, эта —

важное лицо, эта — ворчливую, злую и дурную мачиху, эта либерала на словахъ, «салоннаго оратора», желающаго сдѣлать себѣ карьеру. дабы, какъ онъ говоритъ, «доставить самостоятельность своимъ дѣйствіямъ на пользу животрепещущимъ вопросамъ общества», эта — старика, который твердитъ, что «стыдно быть отсталымъ, когда все быстрыми шагами идетъ впередъ», въ то время, какъ самъ онъ ходитъ въ ильсовыхъ сапогахъ и едва передвигаетъ ноги (не правда ли, какъ остро!), который толкуетъ о гласности и прогрессѣ, а самъ готовъ въ тихомолку совершать разныя темныя дѣлашки (о чемъ, впрочемъ, мы узнаемъ не изъ дѣйствій, совершающихся въ комедіи, не изъ ея хода, а только изъ словъ противника старика, которому, по его враждѣ къ старику, мы имѣемъ полное право и не повѣрять), эта — «хорошую дѣвушку и съ умомъ и съ сердцемъ», губимую окружающею ее средою, эта — честнаго, прямого человѣка, казнящаго своимъ приговоромъ, вовсе не кстати имъ выказываемыми, ложь и подлость остальныхъ фигурокъ, эта — добряка-приживалки и т. д. Нарѣзавъ такихъ фигурокъ и призвавъ ихъ на ниточки, авторъ начинаетъ водить ихъ взадъ и впередъ, говоритъ за нихъ разныя несообразности и заставляетъ ихъ дѣлать разныя несодѣяности.

Если бы кто о дѣйствующихъ новаго произведенія г. Манна задалъ слѣдующій вопросъ: что это люди, или такъ, нарочно? Можно смѣло было бы отвѣчать: аѣтъ, это

такъ, парочно. Да, все, что говорятъ дѣйствующіе въ такъ называемой комедіи Манна, все это такъ только, нарочно, все это такъ только, потому, что этого хочетъ авторъ. Какъ потянетъ г. Маннъ за питочку, такъ вырѣзанная фпгурка и начнетъ выкидывать разныя хитрыя штуки, какія ему угодно.

Въ какомъ-то губернскомъ городѣ, у пустаго старика Чпгасова (Дмитревскій) и у злой мачихи (Акимова) прожпваетъ героиня піэсы, крестница его превосходительства Васплія Никитича Костомина (Самаринъ), богатаго землевладѣльца, важнаго лица по уѣзду, Настенька (Федотова), «хорошая дѣвушка,»—какъ говоритъ одинъ изъ ея обожателей, г. Ладушкинъ (Шумскій), выведенный въ піэсѣ преимущественно для того, чтобы если кто въ ней скажетъ глушость или подлость, такъ онъ бы тотчасъ и говорилъ: это глупо, это подло.—«Дѣвушка и съ умомъ и съ сердцемъ... симпатичное существо.... могла бы составить счастье мужа...» А другой ея обожатель, Кренивъ (Третьяковъ), «салонный ораторъ, щущій себѣ карьеры на пользу животрепещущимъ вопросамъ общества», тоже говоритъ объ ней, «что это славная дѣвочка, такая впечатлительная, живая натура; тутъ столько богатыхъ задатковъ, что только немножко, немножко развитія—и что это такое будетъ!».—Посмотримъ же, что будетъ въ піэсѣ изъ этой Настеньки. Съ перваго же шага мы видимъ, что она ни съ того, ни съ сего увлекается Крепелымъ, не смотря на всю его пустоту и даже тупоуміе, не смотря на то, что она знаетъ, какъ другая, авменноженаелкрестнаго и благодѣтеля, Евгенія Александровна Костомина (Медвѣдева) интересуется его. Уже не увлекается ли Настенька Крепелымъ потому, что онъ, «вышвъ нѣсколько бокаловъ вина за обѣдомъ», нагло проситъ у нея поцѣлуя? Ладушкинъ съ первой же сцены заинтересованъ Настенькой, но молчитъ и ничего не дѣлаетъ, чтобы привлечь къ себѣ эту «хорошую дѣвушку». Братъ этой «хорошей дѣвушки и съ умомъ и съ сердцемъ», выплистъ (Федотовъ), смѣется надъ увлеченіемъ сестры, говоритъ, что Кренивъ ея не любитъ, предлагаетъ ей бросить все и ѣхать въ Петербургъ, дабы предаться тамъ «самостоятельной дѣятельности». Настенька, эта «хорошая дѣвушка и съ умомъ и съ сердцемъ» даже и не думаетъ спросить брата, какой же это тамъ въ Петербургѣ предается «она, самостоятельной дѣятельности», почтп готова ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, не зная зачѣмъ, для чего, и только хочетъ переговорить съ Крепелымъ, въ любви котораго она уже сильно начинаетъ сомнѣваться и даже сама сообщаетъ брату, что Кренивъ завялъ Костоминной. Это даетъ мысль выгилісту написать безыменное письмо къ Костомину и открыть ему о взаимной любви его жены и Крепева, хотя онъ самъ ничего не знаетъ объ этомъ, но рѣшается писать письмо потому, что, какъ онъ самъ говоритъ, «если это и не правда, то стоитъ ли церемониться съ такими скотами?»

Во 2-мъ актѣ Костоминна застаётъ Настеньку подслушивающею (или какъ авторъ учтивѣй выражается,

прислушивающеюся у дверей). Прекрасное занятіе для «хорошей дѣвушки и съ умомъ и съ сердцемъ!» Далѣе Костоминъ получаетъ безыменное письмо, а его племянникъ, Нелицкій (Вильде), очень важный петербургскій чиновникъ (ибо можетъ обѣщать даже вице-губернаторскія мѣста и при томъ обѣщать такъ, что его обещанію вѣрятъ), вмѣсто того, чтобы посовѣтывать своему дядѣ не обращать вниманія на безыменное письмо, тѣмъ болѣе, что самъ дядя совершенно не вѣритъ этому, предлагаетъ Костомину, для опроверженія письма, женить на Настенькѣ Крепева, дѣйствительно волочащагося за Костоминной (о чемъ, впрочемъ, ни мужъ ея, ни Нелицкій не знаютъ, а знаетъ только подслушивающагося у дверей «хорошая дѣвушка и съ умомъ и съ сердцемъ», Настенька). Нелицкій беретъ устроить эту свадьбу и предлагаетъ Крепеву, если онъ женится на Настѣ, вице-губернаторское мѣсто и имѣніе Костомина Павликовку въ приданое за невѣстой, говоря, что это имѣніе приноситъ шесть тысячъ годоваго дохода. Кренивъ вѣритъ ему, вѣритъ, что Нелицкій и мѣсто вице-губернаторское ему дастъ и что Павликовка приноситъ 6000 р., вѣритъ даже и въ этомъ послѣднемъ на-слово приѣзжему изъ Петербурга, хотя самъ, житель этой губернии, принятый у Костоминныхъ за своего, бывающій у нихъ каждый день, лучше Нелицкаго могъ бы знать, сколько дохода приноситъ Павликовка. Кренивъ дѣлаетъ предложеніе Настенькѣ, и эта «хорошая дѣвушка и съ умомъ и съ сердцемъ» соглашается, хотя успѣла *прислушаться*, что онъ занятъ другой.

Въ 3-мъ дѣйствіи Костоминна, ревнующая Крепева къ Настѣ и сердящаяся на него за намѣреніе жениться на этой «хорошей дѣвушкѣ и съ умомъ и съ сердцемъ», говоритъ ему, что Нелицкій вице-губернаторскаго мѣста ему не дастъ, да и Павликовка приноситъ дохода только тысячу руб. И Кренивъ вѣритъ Костоминной, вѣритъ безусловно, точно такъ же, какъ повѣрилъ онъ прежде Нелицкому, даже не подозревая, что Костоминна могла ему сказать все это только изъ ревности и съ досады. Онъ дѣлаетъ сцену Настенькѣ. Настенька тотъ часъ же пачпнаетъ вѣрить, что онъ ея не любитъ, какъ прежде она, также ни съ того ни съ сего, вѣрпла, что онъ ее любитъ (вообще дѣйствующіе въ піэсѣ г. Манна чрезвычайно довѣрчивы, такая ужъ у нихъ у всѣхъ натура) и соглашается на предложеніе брата ѣхать въ Петербургъ, опять не спрося ни у кого, что такое именно она будетъ дѣлать тамъ, въ Петербургѣ. Ее хочетъ было удержать отъ этой поѣздки Ладушкинъ, но и онъ не объясняетъ ей, что въ Петербургѣ ей дѣлать нечего; онъ только говоритъ «строгательно» какъ замѣчаетъ приживалка Пплъ Ппыльчъ (Садовскій), разныя «странныя слова», какъ добавляетъ Настенька.

Въ 4-мъ дѣйствіи Настенька съ братомъ возвращается опять во-свояси. Эта «хорошая дѣвушка и съ умомъ и съ сердцемъ», Богъ знаетъ зачѣмъ рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, доѣхавъ до Нпжвяго, Богъ же знаетъ съ чего оставила свое намѣреніе поселиться въ Сѣверной Пальмирѣ и предаться «женскому труду», какъ говоритъ

Ладушкинъ (какому именно—и онъ не объясняетъ), не смотря на то, что денегъ у ней еще хватило бы доѣхать до Петербурга, хотя братья ее и прокутили въ Нижнемъ большую часть ихъ, изучая для газетной статьи нравы нижегородской ярмарки. Братъ привозитъ ее прямо къ Ладушкину и говоритъ ему: «дѣлайте съ ней, что хотите» и Ладушкинъ, безъ всякаго сопротивленія уступившій ее Кренину, не остановившій ее своимъ предложеніемъ, когда она ѣхала въ Петербургъ на весьма попятную для Ладушкина гибель, знающій всю непослѣдовательность и безалаберность этой «хорошей дѣвушки и съ умомъ и съ сердцемъ» не только въ поступкахъ, но даже въ чувствахъ и помысленіяхъ,—предлагаетъ ей сочетаться съ нимъ законнымъ бракомъ. Настя, незадумывавшаяся долго надъ тѣмъ, чтобы бѣжать изъ родительскаго дома въ Петербургъ, Богъ знаетъ зачѣмъ и почему еще скорѣе соглашается выдти за богатаго жевиха.

Каковы поступки Настя, таковы по своей послѣдовательности, логичности, рациональности, человѣчности и правдоподобности поступки и другихъ дѣйствующихъ въ пьесѣ г. Манна, и этого администратора, высоко цѣнящаго администрацію, а между тѣмъ говорящаго, что лучшая система администраціи есть надувательство, и этого слабоумнаго Костомяна и т. д.; но мы не будемъ утомлять читателя ихъ разборомъ.

Мы не понимаемъ, почему г. Маннъ называетъ свою комедію *Говоруны*. Если онъ хотѣлъ, подобно Хмѣльницкому въ его комедіи *Говоруны*, вывести людей, которыхъ страсть составляетъ процессъ говоренія, то въ своихъ герояхъ онъ не выразилъ даже и этого; если же онъ въ дѣйствующихъ своей пьесы хотѣлъ выставить людей, у которыхъ слово не согласуется съ дѣломъ, то и этой цѣли онъ не достигъ: слова и поступки его героевъ соотвѣтствуютъ другъ другу, они равно нелѣпы. Трудно рѣшить, что хотѣлъ авторъ *Говоруновъ* сказать своею комедіею. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ послѣднія слова составляютъ какъ бы *resumée* пьесы, ея основную цѣль и значеніе; не это ли хотѣлъ сдѣлать и г. Маннъ, закончивъ свою комедію словами: «ничего не сообразилъ!» Вотъ ужъ подлинно: ничего не сообразилъ!..

Во время представленія *Говоруновъ* мы слышали вотъ какой разговоръ:

— Удивительно—сказалъ одинъ изъ публики, —какъ такую пьесу напечаталъ *Русскій Вѣстникъ*.

— Нисколько не удивительно—отвѣчалъ другой.—*Современникъ* давно сказалъ, что *Русскій Вѣстникъ* такъ индеферентенъ къ русской изящной словесности, что будетъ вовсе неудивительно, если онъ помѣститъ на своихъ страницахъ *Битву русскихъ съ кабардинцами*.

Признаемся, изъ числа исполнителей мы сочувствуемъ болѣе, чѣмъ другимъ, г-жѣ Медвѣдовой. Она своею игрой вполне, головою выдала всѣ несообразности и несодѣянности своей роли, въ то время, какъ другіе актеры игрою своею старались замаскировать нелѣпости пьесы. Въ этомъ случаѣ они походили на людей,

старающихся сбыть мѣдные опилки за золотой песокъ. И дѣйствительно нѣкихъ имъ и удалось обмануть такъ, что даже нѣсколько голосовъ закричало «автора» и г. Вильде успѣшилъ объявить, что его въ театрѣ не находится. Кстати, г. Вильде принятою скороговоркою при исполненіи роли Нелицкаго оказалъ значительную услугу автору, не давъ публикѣ отчетливо разслушать фразъ, вложенныхъ въ эту роль, подобныхъ нижеслѣдующей: «моя теорія не какая нибудь фантазія, напротивъ это, такъ сказать, квинтэссенція современныхъ житейскихъ вопросовъ, пропущенныхъ чрезъ фильтр дѣйствительныхъ потребностей государства» и т. п.

За *Говорунами* шелъ водевилъ *Мансионерка*, въ которомъ главную роль играла г-жа Горохова 2-я. И на второмъ ея дебютѣ на сценѣ Малаго театра г-жа Горохова показала, что она довольно хорошее приобрѣтеніе для водевиля. Въ игрѣ ея есть живость, грація, веселость, пониманіе роли и умѣнье передать ее. Но средства г-жи Гороховой 2-й—небогатая, органъ ея голоса довольно слабъ, хотя и пріятенъ.

Бенефисъ г. Тимофѣева закончился балетомъ *Василискъ*, но читатели *Антракта* знаютъ уже наше мнѣніе объ этомъ произведеніи Сень-Леона и вѣроятно не удивятся и не посѣтуютъ на насъ, что мы ушли изъ театра, не дождавшемся представленія *Василиска*.

О бенефисѣ г-жи Николаевой, бывшемъ 19 апрѣля, новаго сказать нечего. Онъ состоялъ изъ балетовъ *Конекъ Горбунокъ* и *Послѣдній день жатвы*, о которыхъ было уже говорено въ *Антрактѣ*.

№ 8 ИТАЛЬЯНСКАГО АБОНЕМЕНТА.

Травиата. оп. съ 4 дѣйствіями, Верди (23 апрѣля).

Въ сценическомъ репертуарѣ всѣхъ странъ и народовъ часто встрѣчаются произведенія, которыя держатся на театрахъ и даже снимаются особое расположеніе публики только потому, что ихъ осмыслила и придала имъ живое содержаніе мастерская игра исполнителей, часто даже игра одной только какой либо высоко-талантливой личности. Къ такимъ произведеніямъ, въ сущности почти лишеннымъ всякихъ особенныхъ достоинствъ, но уцѣлѣвшимъ въ репертуарѣ (и то преимущественно не въ Италіи) принадлежитъ безспорно *Травиата*; подобно тому, какъ въ Лондонѣ прекрасная игра (къ сожалѣнію, мелькнувшей какъ метеоръ по итальянскимъ сценамъ) Маріи Пикколомини привела нѣсколько безстрастную англійскую публику въ восхищеніе и отъ пѣвицы, и отъ музыки, точно также и у насъ съ *Травиатой* Верди связана память о незабвенной Анджелинѣ Бозио, сумѣвшей опозитивировать далеко непривлекательный характеръ Виолетты и придать всей оперѣ необыкновенно трогательный и граціозный оттѣнокъ. Привлекательный отблескъ этого, прекрасно созданнаго пѣвицею, характера, все еще ложится въ глазахъ современной публики и на послѣдующихъ исполнительницъ роли Виолетты, и на самую

оперу. Этимъ только и можно себя объяснить то особое расположение, которое чувствует паша публика къ одной изъ наименѣе удачныхъ оперъ Верди. Въ дѣйствительности опера эта сама по себѣ не представляетъ никакихъ сколько нибудь привлекательныхъ сторонъ, ни по драматизму дѣйствія, ни по сопровождающей его музыкѣ. Трудно говорить о драматизмѣ въ произведеніи, положительно бѣдномъ в интригой и ея развитіемъ, гдѣ страсти человѣческія — естественная основа всякой драмы — заслоняются наименѣе драматическимъ изображеніемъ томленія отъ люты болѣзни, гдѣ стоны, упылая предсмертная обстановка и чуть не запахъ ладопа составляютъ содержаніе цѣлаго заключительнаго и наиболѣе потрясающаго акта. — Агоинъ, и то непродолжительная, едва терпимая сцена; каково-же присутствовать при подобномъ ея растяженіи! Поневолѣ можно удивляться упадку здраваго смысла итальянскихъ либреттистовъ и оригинальности вкуса публики, которая толпами идетъ въ театръ, испоконъ-вѣка источникъ высокихъ наслажденій, любоваться предсмертными муками. Но оставимъ въ покоѣ это либретто, съ его непривлекательными затѣями, хорами матодоропъ, пикадоровъ и цыганъ, эпизодами чисто-медицинскаго свойства и т. д.; въ музыкѣ есть нѣсколько счастливыхъ вдохновеній, что найдется и въ любой изъ послѣднихъ вердиевскихъ оперъ, по въ остальномъ полная безличность и танцовальность мелодій, къ тому же еще очень часто и бездеремонно заимствованныхъ. Такъ напр. первые же такты коротенькой прелюдии есть ничто иное, какъ буквально переписанная мелодія терцета «Die Stunde naht» изъ мейерберова *Роберта*; дуэтъ Виолетты съ Жоржемъ Жермономъ, отцомъ Альфреда, представляетъ сколокъ съ знаменитаго дуэта изъ *Пуританъ* «Suoni la tromba al intrepido», а въ дальпѣйшемъ развитіи заимствуетъ, какъ это уже было замѣчено критикой, многія фразы изъ дуэта Валентины и Марселя въ *Гугеноты*. Наиболѣе удачные моменты оперы, на которыхъ можно отвести душу отъ утомительной безличности остальныхъ частностей, хотя нерѣдко очень благозвучныхъ мелодически, представляетъ высоко-поэтически веденная г-жею Арто сцена (1-го акта) пылаго признанія, когда издали доносятся граціозные звуки вальса, невольно вторяще постепеннымъ пзмѣненіямъ настроенія любящихся; дуэтъ «Parigi, o sàga» своимъ мягкимъ и нѣжнымъ колоритомъ, прекрасно идущій къ изображаемому моменту; эффектные контрасты вакханаліи за сценой и грустной пѣсни Виолетты (на такого рода противоположенія Верди большой мастеръ, хотя эффектъ все-таки остается нѣсколько поверхностнымъ). — Но взглянемъ, какою представили намъ *Травиату* новые исполнители. Г-жа Арто явилась, какъ и всегда, отличной вѣвпцей и исполнила прекрасно многія сцены, подобно только-что названной, но невольнѣ, повидимому, овладѣла характеромъ Виолетты, на что впрочемъ, въ особенности по отношенію къ четвертому акту, требовалась не малая доля присутствія духа и тонкая наблюдательность надъ

различными болѣзненными симптомами. Такъ какъ агоинія уже паходится въ основаніи цѣлаго акта этой оперы, то и требуется до извѣстной степени вѣрная передача ея; но г-жу Арто, какъ и всякій живой и энергическій характеръ, отталкивало это вѣрное изображеніе крайне антипатичнаго человѣку состоянія; часто въ чакоточной (по необходимости) женщинѣ проглядывала сила, движенія временно принимали бодрость и быстроту, чтобъ затѣмъ быстро смѣниться упадкомъ силъ и обморочкомъ; но и при этой невольной неровности многія частности этого несчастнаго акта, пѣсня «Addio, del passato bei sogni», свиданіе съ Альфредомъ и дуэтъ «Parigi, o sàga», были исполнены въ совершенствѣ. Главнымъ пособникомъ г-жи Арто въ этотъ вечеръ былъ г. Филлеборнъ; его игра была жива и отражала въ себѣ горячее, неподдѣльное чувство, первая арія была спѣта безукоризненно и принята съ рукоплесканіями; въ послѣдующіе акты голосъ его очевидно нѣсколько слабѣлъ и не выдерживалъ напряженія, но общее впечатлѣніе было не въ мѣру благоприятнѣе для артиста, чѣмъ произведенное имъ въ роли *Фауста*. Г. Падилла былъ нѣсколько слабѣе послѣдняго исполнителя роли Жоржа Жермона на московской сценѣ, г. Стеллера, уступая ему въ силѣ и звучности голоса, но игралъ прекрасно, хотя былъ нѣсколько моложавъ для убѣляющихъ голову его сѣдинъ; партіи-же его въ двухъ дуэтахъ (съ Виолеттой и Альфредомъ) были исполнены имъ весьма хорошо, и отчетливою передачей ощущеній онъ даже нѣсколько сгладилъ утомительное однообразіе втораго дуэта, вращающагося неизмѣнно вокругъ одной и той-же, неособенно красивой музыкальной фразы. — Оркестръ подъ управленіемъ г. Дюпона совершаетъ чудеса; г. Клароту много рукоплескали за прекрасное исполненіе соло въ началѣ четвертаго акта.

Незнакомецъ.

ПУБЛИЧНЫЕ СПЕКТАКЛИ ВЪ АРТИСТИЧЕСКОМЪ КРУЖКѢ.

I.

Въ предпрошломъ № *Антракта* мы обѣщали поговорить объ исполненіи перваго публичнаго спектакля Артистическаго Кружка и дать отчетъ о второмъ его спектаклѣ, но въ прошедшемъ № нашей газеты не могли исполнить это обѣщаніе потому, что второй спектакль, назначенный первоначально во вторникъ 16 апрѣля, состоялся лишь въ прошлое воскресенье 21 апрѣля.

По недостатку мѣста, мы не войдемъ въ подробное обсужденіе игры отдѣльно каждаго изъ участвовавшихъ въ первомъ публичномъ спектаклѣ Кружка, и поговоримъ только объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ исполненіемъ *Ревизора*.

Говоря вообще, исполненіе это было бы весьма недурно, если бы при немъ не ступевалось почти вовсе одно лицо комедіи Гоголя, которому онъ придаетъ такое важное, великое значеніе; это — смѣхъ. При испол-

неніи *Ревизора* въ Кружкѣ его почти не было. Причиною, что комедія эта, которую, подобно *Донъ-Кихоту* Сервантеса, невозможно читать безъ смѣха, почти не возбудила его на сценѣ Кружка, было то, что *Ревизоръ* шелъ вообще недостаточно живо и одушевленно. Неживость же эта и неодушевленность, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ происходили отъ недостаточной твердости въ исполненіи и отъ недостаточной срѣпетовки. Не можетъ быть живости въ томъ исполненіи, въ которомъ въ сценѣ разсказа двухъ Петровъ Ивановичей (въ 1 актѣ), когда Петръ Ивановичъ Бобчинскій говоритъ, не переводя духа, для того, чтобы не дать перехватить пять разсказа Петру Ивановичу Добчинскому, Бобчинскій сбивается и происходитъ пауза; въ томъ исполненіи, въ которомъ Коробкинъ въ 5 актѣ, въ чтеніи письма, тоже сбивается и не знаетъ, съ какого именно мѣста начать чтеніе и начинаетъ читать письмо не съ того мѣста, съ котораго слѣдуетъ, и принужденъ возвратиться назадъ. Можно было бы назвать и еще нѣсколько другихъ подобныхъ мѣстъ, но намъ кажется, что и этихъ двухъ случаевъ довольно. Меблровка комнатъ и расположеніе дѣйствующихъ лицъ на сценѣ въ Кружкѣ были тѣ же рутинныя, какія и на нашемъ Маломъ театрѣ (какъ напр. сидѣніе властей уѣзднаго города на креслахъ въ рядъ противъ суфлерской будки и т. п.); только къ сожалѣнію, въ комнатѣ Городничаго на кружковской сценѣ не было тѣхъ характерныхъ аксессуаровъ, которые такъ удачно помѣщаются въ этой комнатѣ на сценѣ Малаго театра, придуманные, если не ошибаемся, С. Т. Аксаковымъ и М. П. Погодинымъ, взявшими на себя первую постановку этой пьесы въ Москвѣ. На сценѣ Кружка мы не видали ни дворянской грамоты въ рамкѣ за стеклышкомъ, ни часовъ съ кукушкою, ни бутыли съ наливкой, ни клѣтки, ни портретовъ хозяина съ хозяйкой, ни портретовъ Растопчина и Платова. А между тѣмъ эти характеристическіе аксесуары дорисовываютъ домашній бытъ городничаго. Что касается до игры отдѣльных дѣйствующихъ лицъ, то надо сказать, что исполнители *Ревизора* отнеслись къ своимъ ролямъ серьезно и съ пониманіемъ дѣла, но игра ихъ недостаточно была одушевлена и исполненіе ихъ выходило какъ то сухо. Такъ роль Городничаго умно исполнялъ г. Максимѣвъ и игру его мы бы назвали дѣйствительно хорошею, еслибы скудныя физическія средства, а особенно мало-способный къ переливамъ и отбѣнкамъ, однообразный голосъ исполнителя значительно не портилъ ея. Такъ г. Садовскій обдуманно отнесся къ роли Хлестакова, но у него не вышло вполнѣ того Хлестакова, для котораго «минута—повелитель», который до того пусть, до того увлекается, что не знаетъ, что будетъ говорить и дѣлать чрезъ какое нибудь мгновеніе. Хлестаковъ вполнѣ, всѣмъ своимъ пустыннымъ существомъ отдается тому, что дѣлаетъ и говоритъ; онъ всегда и вполнѣ искрененъ и весь увлекается тѣмъ ощущеніемъ, которое имъ овладѣваетъ въ данную минуту;

между тѣмъ въ этомъ спектаклѣ зрители видѣли и г. Садовскій сумѣлъ показать имъ свою игрою, что исполняемый имъ Хлестаковъ въ такомъ-то мѣстѣ долженъ и хочетъ увлечься, испугаться, обрадоваться и т. д., но мы не видали, чтобы г. Садовскій игрою своей заставлялъ насъ повѣрять, что исполняемый имъ Хлестаковъ дѣйствительно увлекается, пугается, радуется и т. д. Такимъ образомъ достаточно умное исполненіе г. Садовскаго роли Хлестакова казалось неживымъ, сухимъ и неискреннимъ. Съ большими одушевленіемъ и искренностію передана была роль Пошлепканой г-жею Дюбюкѣ. Тоже мы сказали бы и объ исполненіи роли Осипа г. Сусаровымъ, еслибы только у него Оспъ не вышелъ нѣсколько молодымъ, излишне добродушнымъ и даже отъ части простоватымъ, а не тѣмъ грубымъ, достаточно пожившимъ, впадавшимъ виды и сознающимъ свое достоинство и свой умъ Оспомъ, котораго создалъ Гоголь.

О второмъ публичномъ спектаклѣ Кружка мы помѣщаемъ статью нашего сотрудника, А. Н. Плещеева.

II.

Для второго публичнаго, или, какъ сказано было въ афишахъ, «общедоступнаго» спектакля въ Артистическомъ Кружкѣ, распорядители выбрали, сверхъ ожиданія, *Шутниковъ* Островскаго. Мы говоримъ «сверхъ ожиданія», ибо давно уже носились слухи, что въ этомъ спектаклѣ пойдутъ *Свои люди—сочтемся*. Не знаемъ, какія причины заставили сдѣлать это измѣненіе, но, во всякомъ случаѣ, каждый согласится, что оно сдѣлано не къ лучшему. Нѣкоторые выражали мнѣніе, что *Свои люди—* пьеса заграничная, слишкомъ уже всѣмъ извѣстная. Но развѣ *Ревизоръ* менѣе извѣстенъ и однакоже его нашли возможнымъ поставить и публика осталась весьма довольна подобнымъ выборомъ. Да и можно ли *заграть* такія пьесы, какъ *Свои люди—сочтемся*? Сколько бы ихъ ни играли, онѣ никогда не утратятъ своего достоинства. Но если ужъ почему либо постановка *Своихъ людей* оказалась неудобной, то неужели изъ многочисленныхъ произведеній Островскаго нельзя было выбрать ничего капитальнѣе, ничего серьезнѣе *Шутниковъ*? Артистическому Кружку по уставу его разрѣшено дать три публичныхъ спектакля. Вотъ уже четвертый годъ, какъ Кружокъ существуетъ, но разныя неблагоприятныя обстоятельства все препятствовали этимъ спектаклямъ; и вотъ наконецъ, когда эти препятствія, слава Богу, устранены, кажется Артистическому Кружку слѣдовало бы отличиться на славу, сразу зарекомендовать себя передъ публикой, затѣмнивъ, какъ по выбору пьесъ, такъ и по исполненію, всѣ другіе любительскіе спектакли. Онъ могъ бы соединить въ себѣ всѣ силы, разбросанныя по разнымъ другимъ кружкамъ. Но къ сожалѣнію ничего этого на дѣлѣ не оказалось. Составъ любительской труппы Кружка крайне ограниченъ и хотя въ ней нашлись два, три, далеко не дюжинныхъ таланта, но такъ какъ этимъ талантамъ приходится неизбежно являться передъ публикой каж-

дый раз во всѣхъ главныхъ роляхъ, то это необходимо класть на спектакли Кружка печать какого-то однообразія. Публика видимо начинаетъ скучать. Нужно быть Садовскимъ или Мартыновымъ, т. е. нужно обладать въ значительной степени творчествомъ, умѣниемъ создавать новые типы, для того, чтобы, являясь передъ публикой каждую недѣлю, доставлять ей всегда новое наслажденіе. А гг. Макишевъ, Сусаровъ, г-жи Лазарева и Дюбокъ хотя и талантливые исполнители, и даже такіе, какихъ между любителями нечасто встрѣтишь, во все же они не могутъ по дарованію своему стать на ряду съ первоклассными сценическими артистами. Какая бы капитальная пьеса не шла въ Артистическомъ Кружкѣ, вы заранее можете быть увѣрены, что первую роль будетъ играть, г. Макишевъ, какой бы ни давался Фарсъ вы неизбежно увидите въ немъ кн. Кугушева, вездѣ играющаго одно и то же лицо добродушнаго, простоватаго, суетящагося весельчака, или г-жу Михайлову, спляшущую изображать изъ себя наивность. Если бы еще на сценѣ Артистическаго Кружка давались пьесы, неиграемыя на императорскихъ театрахъ и мало извѣстныя публикѣ, публика бы не такъ скоро соскучилась. Тогда бы для нея оставался по крайней мѣрѣ интересъ новизны въ самомъ содержаніи пьесъ. Последний спектакль Кружка можетъ подтвердить справедливость сказаннаго нами. Въ публикѣ (весьма немногочисленной) замѣчалось видимое утомленіе. Нѣкоторые, не дождавшись конца уходили играть въ карты, многіе зѣвали... Чему приписать это? Конечно, столько же выбору пьесы, сколько и исполненію. Въ основаніи *Шутниковъ* лежитъ хорошая мысль—вывести бѣднаго, забитаго нуждой человѣка, надъ которымъ все самымъ безчеловѣчнымъ образомъ шутятъ, только потому, что этотъ человѣкъ бесплечъ и что каждый, у кого больше денегъ, можетъ его безнаказанно раздавить, какъ червяка; шутятъ до такой степени, что онъ самъ наконецъ утрачиваетъ свое человѣческое достоинство, начинаетъ считать себя какимъ-то шуткомъ и признавать въ другихъ право надъ нимъ глумиться. Лицо Оброшенова хорошо задумано и выполнено. У этой забитой и, повидному, утратившей всякое достоинство личности все таки есть еще струны, которыхъ касаться онъ не дозволить; это—любовь къ дочерямъ, это—ихъ честь. Характеръ Оброшенова нѣсколько напоминаетъ по основной мысли Трибулэ, В. Гюго; но онъ правдивѣе, какъ вообще вся русская литература правдивѣе французской. Кромѣ Оброшенова есть еще въ пьесѣ лице старшей дочери, весьма вѣрное, поражающее вседневной будничной правдой, почти типическое. Кромѣ того, эта черта насмѣшки, подшучиванья, выхвачена прямо изъ русской жизни. Въ русскомъ характерѣ она замѣчается въ значительной степени, и, разумѣется, у личностей неразвитыхъ, въ которыхъ образованіе не выработало себѣ деликатности, свойство это приобретаетъ грубый, даже жестокий отбѣнокъ. Но независимо отъ всего этого, *Шутники* все таки очень слабая пьеса,

не могущая стать въ уровень съ такими произведеніями г. Островскаго, какъ напр. *Свои люди, Свѣдѣнія, Не въ свои саки не садись, Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ* и пр. Вся она носитъ на себѣ характеръ чисто анекдотическій и состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ сценъ, изъ которыхъ большую часть можно бы выкинуть и пьеса отъ этого бы не пострадала. Строгаго, послѣдовательнаго разсѣтія нѣтъ и въ концѣ является *deus ex machina*, въ лицѣ кувца Хрюкова, внезапно тронувшася добродѣтелью старшей Оброшеновой. Нельзя также одобрить лица младшей дочери Оброшенова, изъ котораго автору хотѣлось сдѣлать что-то въ высшей степени простое и натуральное, но которое вышло натянутымъ и водевильнымъ. Не такова у Мольера Агнеса, этотъ протѣпъ всѣхъ новѣйшихъ *ingenues*. Сцены между Вѣрочкой и Гольцовымъ бьютъ въ глаза своей рутинной и напомнимають *Новичковъ въ любви*. На сценѣ Малаго театра, г-жа Никулина своей правдивой, художественной игрой нѣсколько скрашивала эту роль. Въ игрѣ же г-жи Михайловой обнаружилась вся ея мелкость и холодность. Манернѣе, пысканнѣ этой артистки любительницы нельзя себѣ вообразить. Наивность отнюдь не состоитъ въ манерничаньи и опусканьи глазъ. Есть любители, которымъ бы надо было посоветовать играть только въ спектакляхъ съ благотворительной цѣлью. Тамъ публика не имѣетъ на столько права быть взыскательной. Изъ числа такихъ артистокъ любительницъ мы относимъ г-жу Михайлову, которая не пользуется особенною любовью кружковской публики, а между тѣмъ все таки является неизбежно въ каждомъ спектаклѣ, въ роляхъ, въ которыхъ и г-жа Горохова, и г-жа Мочалина доставили бы публикѣ несравненно больше удовольствія. Когда публика стносится съ холодностью къ артистамъ, имѣющимъ такую счастливую наружность, какъ г-жа Михайлова, это не даромъ. Извѣстно, какъ красота подкупаетъ и какъ часто посредственности производятъ у насъ фуроръ, единственно благодаря красноту лицу (*). Г. Макишевъ въ роли Оброшенова былъ, вообще говоря, хорошъ. Онъ удачно гримировался, взялъ вѣрный тонъ, и лицо у него вышло живое, хотя и не новое, не имъ созданное. Особенно заслуживаетъ онъ похвалы за ту сцену, когда онъ распечатываетъ пакетъ. Переходъ отъ безграничной радости къ совершенному отчаянію былъ переданъ имъ съ большою естественностью. Онъ умѣлъ произвести впечатлѣніе и въ то же время избѣжать мелодрамы, впасть въ которую было здѣсь очень легко и въ которую бы непременно впалъ каждый мало-мальски рутинный актеръ. Но въ послѣдней сценѣ, когда Оброшеновъ падаетъ на колѣни передъ дочерью и говоритъ, что злодѣй не стапетъ ее просить о томъ, о чемъ проситъ отецъ,

(*) Нашъ почтенный сотрудникъ, какъ вамъ кажется немного строго отнесся къ г-жѣ Михайловой. Правда, игра ея въ роли Вѣрочки во была особенно хороша, но все таки роль эта была исполнена ею довольно удовлетворительно, а нѣкоторыя мѣста въ 3-мъ актѣ, какъ напр. испугъ, причиненный ей уходомъ Гольцова и, даже, потерянное, желаніе узнать что спряталъ Оброшеновъ подъ шкуру, были переданы ею очень искусно и натурально.

г. Макшѣевъ былъ нѣсколько холоденъ. Еще казалось намъ, что кое гдѣ-опъ какъ будто повторялъ другія игравныя пмъ роли: то слышался въ его пѣтонаціи Меркуль Свдорычъ (*Война съ тещей*), то старикъ пзъ подепля *Сыѣхались, перепутались и разъѣхались*. — Г-жа Лазарева въ роли старшей дочери Оброшенова, г. Садовскій въ роли Гольцова были удовлетворительны, хотя первая, отъ которой мы прпплыли ждать очень многого, песьма уступала г-жѣ Васильевой, исполняющей эту роль съ неподражаемымъ совершенствомъ. Г. Сусаровъ былъ бы совсѣмъ хорошъ, еслбъ только онъ выказалъ побольше грубости и суровости. Тонъ его всегда слишкомъ мягокъ для самодуровъ, которыхъ онъ пзображаетъ. Это замѣчалось п при исполненіи Осппа пъ *Ревизоръ*. Осппъ хотя п пе самодуръ, по въ разговорахъ съ барномъ, котораго опъ глубоко презираетъ въ душѣ, онъ долженъ быть необходимо суровъ, глядѣть изъ подлбья, какъ глвдѣла большая часть лакейскпхъ личностей, выработанныхъ крѣпостнымъ правомъ. Г. Заруцкій, въ роли шугшика лавочника, превосходенъ. Юркость, бойкость, плутоватость, словомъ все, что составляетъ характерную сторону подобнаго рода лицъ, было съ типической вѣрностью передано г. Заруцкимъ. Сцена, гдѣ онъ появляется, смотрѣлась съ наибольшимъ удовольствіемъ, такъ какъ надобно сказать правду, что исполнение *Шутниковъ*, хотя п оченъ добросовѣстное и старательное, однакоже значительно грѣшило отсутствіемъ жизни Почти каждое лицо въ отдѣльности играло болѣе или менѣе хорошо; въ цѣломъ же все выходило почему-то необыкновенно плоско, блѣдно, некрупно, какъ будто пѣса или недостаточно сретирована, или ужъ репетицій было черезъ чуръ много, такъ что она падоѣла исполнителямъ прежде, чѣмъ являлась на сценѣ.

За *Шутниками* шелъ водевлъ *Все для женщины*, переведенный съ французскаго п столь же нелпный, какъ всѣ водевлы, которые мы до сихъ поръ видѣли на сценѣ Архипетическаго Кружка.—Какія то безпреставныя qui-рго-quo, переодѣванья, суетня, бѣготня п все это неизвѣстно для чего п почему, словомъ бессмыслица полпая. Только весьма живая, веселая игра кп. Кугушева въ главной роли хоть сколько пбудъ скрасила эту пустую пѣсу. Нетерпѣливо ждемъ комедію Бомарше *Семилетній цирюльникъ*, которая, какъ говорятъ, пойдетъ въ слѣдующемъ спектаклѣ Кружка. Эта пѣса давно уже не шла на московской сценѣ п потому вѣроятно привлечетъ много зрителей. Какъ бы только п се пе вадумали полѣдствіе каквхъ пбудъ соображеній замѣнить другой. Это было бы весьма жаль, потому что публка наша очень мало знакома съ Бомарше.

А. Плещеевъ.

КОНЦЕРТЪ Г. СЛАВЯНСКАГО.

(21-го марта).

За первымъ шагомъ къ сближенію естественно слѣдуютъ болѣе серьезныя попытки обихъ сближающихся

сторонъ къ взаимному ознакомленію. Въ нашихъ новыхъ отношеніяхъ къ славянамъ сближенію суждено было начаться съ обмѣна музыкальнаго достоянія обихъ, слишкомъ долго разъединенныхъ сторонъ. Мы дали чехамъ великолѣпныя образцы нашей музыкальной школы въ *Жизни за царя*, *Русланъ и Людмила* (въ скоромъ времени къ этимъ произведеніямъ прибавится п *Русалка* Даргомыжскаго), справедливо оцѣненные пражской публикой; въ свою очередь намъ приходится знакомиться съ образцами народнаго пѣсеннаго творчества славянъ, составляющаго всю гордость ихъ искусства п залогъ будущаго самостоятельнаго его развитія. Въ этой немаловажной культурной роли выступаетъ передъ нами г. Славянскій съ двойнымъ квартетомъ на половпну-чешскпхъ пѣвцовъ; въ программахъ своихъ концертовъ онъ общаетъ знакомить насъ съ общеславянскими народными пѣснями, подраздѣляя ихъ затѣмъ на мелкія рубрики сообразно національностямъ, различая почему-то малорусскія пѣснп отъ галлцко-русскаго, п считая, какъ кажется, цыганскія пѣснп чуть ли пе славянскими... Прежде всякихъ сужденій о свойствахъ и видахъ какого либо предмета необходимо уяснить себѣ пастоящее значеніе его, необходимо договориться, какія понятія выражаетъ собою данное слово. Что должны мы разумѣть подъ названіемъ общеславянскихъ, а тѣмъ болѣе народныхъ пѣсенъ? Безъискусственныя ли пѣсенныя созданія самаго народа, или наряду съ ними п личныя вдохновенія отдѣльныхъ композиторовъ, часто не имѣющія ничего общаго съ народнымъ музыкальнымъ стилемъ? Русская публка совершенно незнакома ни съ какой отраслью славянской музыки, отъ которой ее отдѣляетъ полувѣковое господство пѣмцевъ въ русскихъ музыкальныхъ дѣлахъ, она не знаетъ, что п у славянъ, а въ особенности у чеховъ, бывають п свои Варламовы, Булаховы, Алябьевы, сладкогласные романсы которыхъ напрасно сталъ бы мы принимать за что-то народное; что формы хора п голосоваго квартета съ трудомъ пыспобождаются пзъ крѣпкихъ объятій обязательной нѣмецкой рутины. Пестрое смѣшеніе образчиковъ подобнаго стпля съ кореными народнымп пѣснями п въ одной п той же концертной программѣ, въ угоду будто-бы одной цѣли, не только нарушаетъ единство впечатлѣній п свободу сужденій, по, прпмая во вниманіе отсутствіе всякой подготовкп въ публикѣ, является дѣломъ крайне-вреднымъ, такъ какъ можетъ легко ослабить въ ней охоту къ знакомству съ музыкой славянъ. Такой нерасчетливой пріемъ, къ сожалѣнію, употребляетъ г. Славянскій, устраивая свою разнообразную программу. Зачѣмъ было пе сказать, что первый же номеръ ея, хоръ *Я семь слованъ* есть произведеніе искусственное, зачѣмъ исполнять наряду съ сербскими пѣснями, дышащими незапамятной старпной, романсъ *Виновать ли былъ я*, или цыганскія парфразы на *Ѣхали ребята*, *Голубка Маша* (слова Цыганова) съ прищелкываніями, гичаніями п инымп атрибутами гиппуазнаго цыганскаго стпля? Зачѣмъ не пояснить въ программѣ втораго концерта, что пзвѣстный

чешскій гимнъ *Гдѣ домова муѣ* не народный, но сочиненъ капельмейстеромъ Шкраупомъ, составляя одинъ изъ нумеровъ въ его комической оперѣ «*Fidlovačka*» (праздникъ сапожниковъ), откуда и перешелъ въ народъ; поясненіе это необходимо, дабы никто не могъ подумать, что эта, безспорно красивая но въ высшей степени космополитическая вещица имѣетъ что-либо общее съ народными пѣсенными основами.—Оставляя въ сторонѣ сбывчивость нонатій, поражаемую программой, не можемъ не пожелать лучшаго выбора собственно народныхъ пѣсней. Чѣмъ дальше на западъ, чѣмъ ближе къ постепенно обезличивающемуся строю средне-европейской народной пѣсни, тѣмъ и славянская пѣсня невольно начинаетъ сглаживать свои оригинальныя особенности и склоняться къ мелодическому направленію чуждаго творчества. По этому для насъ болѣе любопытны въ концертѣ, подобномъ описываемому, болѣе умѣстны образцы старой, коренной пѣсни, нетронутой ни въ какихъ частностяхъ мелодіи или текста измѣнчивымъ духомъ времени; такихъ собственно мы слышали въ этотъ вечеръ только двѣ: это сербскія пѣсни «*Калоперъ Перо*» и «*Ой дѣвойко, душа моя*»; въ особенности въ первой, несмотря на бессмысленный и совершенно неподходящій къ мелодіи текстъ, очевидно позднѣйшей вставкѣ,—поражаетъ необыкновенное и вмѣстѣ до вельзя простое величіе плавно льющагося тономъ; съ тѣмъ вмѣстѣ это не старый хоралъ, не средне-вѣковая германская церковная пѣсня, но нѣчто совершенно особое, своеобразное, умѣющее соединять величаво-строгій, подчасъ даже нѣсколько мрачный характеръ съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ ухищреній.—Остальныя пѣсни принадлежали болѣею частью къ сравнительно позднѣйшему періоду. Но и здѣсь можно было бы избѣжать исполненія пѣсни *Горо, горо, висока си*, во всѣхъ частностяхъ схожей съ малорусской пѣснью *Боже зъ неба високаго*, и обработанной Бегховепомъ въ одномъ изъ скрипичныхъ концертовъ; точно также могла ввести въ заблужденіе слѣдовавшая за пей пѣсня, которая публикѣ давно извѣстна какъ Allegro одной изъ арій *Дочери поэта*. Въ двухъ поурри, составленныхъ изъ сербскихъ и чешскихъ пѣсней, вполне понятно желаніе пощеголять мелодическими и ритмическими контрастами и послѣ задумчиваго пафѣва пустить во весь ходъ задорный, чуть не плясовой мотивъ, по этотъ замыселъ не вполне удачно выполненъ составителемъ поурри. Комическія пѣсенныя вставки до-нельзя коротки и обрывисты и притомъ исполняются слишкомъ быстро, въ нѣсколько летучихъ мгновеній, послѣ чего снова затягивается протяжная пѣсня. Такимъ образомъ эти вставки теряютъ значеніе эффектныхъ просвѣтовъ въ общемъ фонѣ, но напротивъ являются только докучными и совершенно чуждыми ему набросками.—Хоръ славянскихъ пѣвцовъ исполняетъ пѣсни и пѣсы своего репертуара вполне исправно, согласно и отчетливо; если выше была замѣчена нѣкоторая неровность и спѣшность въ исполненіи пѣсней, быстрыхъ темпомъ, то вина въ этомъ случаѣ падаетъ на неполнѣе опытнаго дирижера.

Г. Славянскій обнаруживаетъ особую склонность къ выдвиганію своихъ соло впередъ сравнительно съ продукціями хора; для соло-же, за немногими исключеніями, онъ предпочитительно избираетъ русскіе романсы или, точнѣе сказать, отголоски ихъ, прошедшіе черезъ горнило цыганской пѣсенной удалы. Для чего поются всѣ эти пошловатыя вещицы о-бокъ съ славянскими народными пѣснями, повѣтъ трудно; казалось-бы, славянскій комитетъ, имѣющій косвенное попеченіе о концертахъ названнаго хора, могъ-бы пѣсколько позаботиться объ очищеніи ихъ программы отъ всякихъ постороннихъ элементовъ. Но г. Славянскій имѣетъ въ виду извѣстную часть публики, которая не охладѣла еще къ цыганскимъ вакханаліямъ, и, рассчитывая на успѣхъ, иногда ухарски вскрикиваетъ и провозгласительно гикаетъ даже въ вовсе негармонизирующихъ съ такою удалю пѣсахъ. И, къ сожалѣнію, надобно прибавить, что извѣстная часть публики неистово рукоплескала всѣмъ этимъ удалымъ выходкамъ!—Голосъ г. Славянскаго, хотя спяный, но весьма необработанный и часто звучитъ сырыми звуками натурального голоса (*Naturstimme*), слово до него не касалось огранки правильной пѣвческой методы. При этомъ пѣвецъ при исполненіи собственно-народныхъ пѣсней, какъ напр. *Не бѣлы снѣги*, замѣтно подлаживается подъ манеру пѣнія народа, но не въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существуетъ у лучшихъ пѣсенниковъ, а въ той извращенной формѣ, какую встрѣтишь развѣ кое-гдѣ въ городахъ, гдѣ пѣсня поется про себя, не свободно, и роскошь и удалъ звука замѣняются курныкашьемъ отъ скуки, безмѣрнымъ растягиваніемъ словъ и круженіемъ вокругъ одной музыкальной фразы. Такъ поютъ обозники, лѣниво покачиваясь на облучкѣ своего воза и болѣе мечтая о прелести постоялаго двора, чѣмъ о наслажденіи раздольными звуками напѣваемой пѣсни.

Концертъ, къ сожалѣнію, былъ данъ почти передъ пустою залой; наши славянскіе гости не должны впрочемъ приписывать это недостатку сочувствія къ себѣ, такъ какъ виною въ этомъ случаѣ былъ неразсчетливый выборъ вечера, когда итальянская опера, драматическіе спектакли въ Маломъ театрѣ и Артистическомъ Кружкѣ и, какъ говорятъ, концертъ одной изъ злѣйшихъ пѣвицъ, естественно отвлекали массу обычной концертной публики. Во всякомъ случаѣ славяне принимали въ высшей степени радушно и рукоплескали вдоволь, что пѣвцы дѣйствительно вполне заслужили своимъ добросовѣстнымъ исполненіемъ.

Незнакомецъ.

С М Ъ С Ъ.

На 16-е мая (и. с.) въ Прагѣ приготовляется великодушный народный спектакль по случаю закладки Феличаго чешскаго театра. Множество разныхъ обществъ въ Чехіи и на Моравѣ всѣхъ сословіи высылаютъ своихъ депутатовъ къ этому празднику.

Говорить, что Меретти сдѣлалъ навѣй театранной дирекціи предложеніе объ ангажементѣ итальянской труппы въ Москву шибколю осовью на 30 спектаклей, раздѣленныхъ на два абонемена. Отвѣтъ дирекціи еще неизвѣстенъ, но москвичи очень желаютъ, чтобы предложеніе было принято и чтобы она осенью снова услышала итальянскую оперу.

Редакторъ В. Родиславскій.
Издатель А. Пономаревъ.